

Век. Москва. - 1992. - 14 июля.

ТВ: актерские судьбы

ДИКТОРЫ НЕ ТРЕБУЮТСЯ?

Миллионы смотрящих телевизор не обманешь ни изысканными туалетами, ни наигранной добротой. Мы впускаем в свой дом только тех, кто добр с нами, кому мы верим. Именно такой является Валентина Печорина, диктор ТВ.

Передачи, которые она ведет, смотрятся до конца. Путь ее к зрителю начинался в стенах старейшего вуза России — Государственного института театрального искусства, а учителями у нее были замечательные мастера, руководители лучшей актерской студии страны — О. Пыжова и Б. Бибиков.

Затем Ногинский драматический театр, где ей сразу же повезло — сыграла Ларису в «Бесприданнице»... Как было трудно, знает только она сама. Ежедневно в девять утра электричка увозила ее с Курского вокзала, а в 23 часа электропоезд мчал ее в Москву. Четыре часа сна — и снова все повторялось по этой же схеме, и, может, повторялось бы... Но заболела дочь, и от работы далеко от дома пришлось отказаться. Тогда-то внезапно и возникло телевидение. Предложили провести передачу «Новые имена» о молодых писателях и поэтах.

Ей казалось, что все это временно. Но шли месяцы, и к «Новым именам» добавилась «Музыкальная афиша», «Мамина школа», ведение концертов по трансляции... Телевидение оказалось тем волшебником, которое «затянуло» ее в свои сети.

Когда передачи закрывали, она сама их придумывала. Сейчас ее программа «На сон грядущий» — одна из самых популярных. В. Печорина готовит новую, но проект пока держит в тайне.

Не все удачно складывалось в жизни В. Печориной. Пережила она и страшные удары судьбы. Хотя что может быть страшнее смерти дочери! С вечера в семье готовились к поездке в Чехословакию, где старшей девочке должны были сделать операцию, а утром ее не стало.

— Я шла по улицам, по набережным, по пустынным бульварам. Когда услышала грохот поезда на мосту, решение созрело само собой. Но в последний момент подумала о Юльке, о младшей, — вспоминает В. Печорина. — Кто позаботится о ней? Что с ней будет? Я была нужна ей... Говорят, что время рубцует раны. Не знаю...

Мы сидим у нее дома. Сразу же

видишь, что здесь живут добрые, гостеприимные люди. Да к тому же хозяйка изумительная кулинарка.

— Как вы можете при нашей дороговизне, дефиците продуктов так накрывать стол?

— А ничего такого особенного и не надо. Картошка есть, грибы, капуста, мука. Из этого небольшого ассортимента я могу больше десятка блюд приготовить. Надо просто руки иметь и душу. Да-да, душу. Моя бабушка говорила, что через пищу передается наше отношение к гостям. Вот поэтому, когда плохое настроение — стараюсь не готовить. А еще люблю, когда гости все съедают.

— Вы заядлый книголюб? У вас столько книг.

— Мне интересна история, и я читаю соответствующие книги. Это может быть военная история, история живописи, театра, музыки, кино. Обожаю портретную живопись. Вот только жаль, что моя вечерняя работа не позволяет часто бывать в театре. Но обязательно раз в месяц слушаю оперу в Большом. Атмосфера музыки, классические оперы меня успокаивают, а сегодня, когда что-то ненормальное происходит в нашей жизни, и на телевидении, в частности, это так необходимо.

— А что вас прежде всего не устраивает в нынешнем телевидении?

— Везде коммерция. Никто не думает о художественном уровне передач. В эфир пришли полупрофессионалы. Самое страшное — на ТВ исчезли доброе слово и покой. Мы так возбуждаем телезрителя, что ему и жить не хочется. А если и хочется, то не очень.

Была такая профессия — диктор. Я горжусь своей профессией. Но кому-то из руководства пришло в голову отменить ее. И придумали новую — ведущий телепрограмм.

— Возможно, это просто человеческая зависть? Вас знают, любят миллионы, а создатели программ как бы в тени...

— Но ведь мы находимся в конечном этапе выхода передачи в эфир. Зрителю не интересно, как она делается. О результате работы судят по нас. А если ты в прямом эфире? У режиссера, оператора, ассистентов может быть плохое настроение. У диктора — нет!

Нет, я не жалуясь. Программы вести интересно. Всегда составляю свой текст. Все, что связано с выживанием монтажных, техники угнетает, а остальное — удовольствие.

— При каких условиях вы могли бы оставить телевидение?

— Если я не смогу говорить правду — уйду. И еще. Угнетает сегодняшняя неопределенность. Мы уже несколько раз увольнялись и снова поступали на работу. Меняется руководство — мы пишем два заявления — об увольнении и принятии. Дикторский цвет ТВ совсем недавно сдавал «творческий» экзамен. Было в этом что-то издевательское, не интеллигентное. До 31 декабря с нами подписали контракт, а что будет потом — одному Богу известно. Мы поставлены в условия, когда каждый выживает сам по себе.

Тут в комнату забежала симпатичная собачка и... сказала «Мама». От удивления я не мог сказать ни слова.

— Это Лукерья, — представила В. Печорина пришедшую. — Моя лучшая подруга, я ей доверяю все свои тайны. А как зовут маму?

— Аля, — произнесла Лукерья. — «В» не выговаривает, — пояснила В. Печорина.

— А это моя дочь — Юлька. Как ни странно, любит технику, компьютеры. Сейчас новое увлечение — учится печатать «вслепую».

— Кем бы вы ее хотели видеть во взрослой жизни?

— Пусть будет хорошей матерью и женой.

— Мне всегда хотелось спросить. Возможно, это нескромно, но, вероятно, вы как диктор много получаете?

— Почему не скромно. Это не коммерческая тайна. На Западе газеты публикуют гонорары «звезд» эстрады, кино, спортсменов, там не делается из этого тайны. А какая тайна о наших заработках — получаем до смешного мало. К примеру, диктор, проработав на телевидении Франции три года, обеспечивает свою жизнь до старости. А я за четверть века работы подчас не могу себе позволить лишнюю покупку. В таком же положении мои коллеги.

И все-таки я не отчаиваюсь. Жизнь продолжается. И больше всего хочется счастья, чтобы была гармония во всем...

Владимир ВАХРАМОВ.